

Тьермондистский генезис ЮНКТАД

Французский учёный Гийом Девен в своей книге «Международные организации» (*“Les organisations internationales”*, 2022) описывает «сбивающий с толку институциональный лабиринт», настолько сложный, что его «практически невозможно охватить во всех деталях». Помимо Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка и Всемирной торговой организации (ВТО), к основным экономическим институтам относятся «банк центральных банков» – Банк международных расчётов (БМР), Международная организация труда (МОТ) и Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), которая исторически воспринималась как альтернатива «клубу богатых стран» – Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Отсутствующий столп

Параллельно с созданием Организации Объединённых Наций (ООН) страны-победительницы второй мировой войны, наученные горьким опытом Великой депрессии 1930-х годов, предложили три новых экономических института, чтобы не допустить распада мирового рынка на протекционистские блоки: МВФ, Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международную торговую организацию (МТО). МВФ и МБРР (будущий Всемирный банк) были созданы в 1944 году на Бреттон-Вудской конференции и вошли в историю как символ фиксированных обменных курсов и нового мирового порядка со Штатами во главе.

За риторикой многосторонности фактически скрывались переговоры двух держав-победительниц, выпускавших основные мировые валюты – доллар и фунт стерлингов. По мнению британского историка Мартина Даунтона, победу одержал проект Гарри Декстера Уайта, представителя министра финансов США Генри Моргантау. Финансовая слабость Соединённого Королевства обрекла предложения Джона Мейнарда Кейнса на провал – таким образом, в Бреттон-Вудсе было заключено «соглашение между одной страной и половиной страны» (*“Deadlocks in Multilateral Negotiations”*, 2010).

Однако состоявшаяся позднее в Гаване конференция по торговле привлекла к активному участию гораздо более широкий круг «развивающихся» стран. Подписав Гаванскую хартию 1948 года, они получили значительные уступки в рамках будущей Международной торговой организации (МТО). Но США, зажатые между сопротивлением Конгресса и началом Корейской войны, не ратифицировали соглашение, тем самым похоронив идею МТО.

Москва и Бандунг

Тем временем в 1947 году Вашингтон и Лондон убедили около двадцати стран подписать соглашение о постепенном снижении пошлин – Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). После краха проекта МТО это узкое и временное соглашение, рассчитанное на послевоенное восстановление, оставалось единственным действенным механизмом регулирования международной торговли, что раздражало многие изолированные и находящиеся в неблагоприятном положении страны. Например, именно ГАТТ приняла антидемпинговые меры против растущего экспорта текстиля из Азии, введя «добровольные экспортные ограничения» для «развивающихся» стран с помощью соглашения о хлопке 1962 года. Позже эти ограничения распространились на печально известное Соглашение по мультиволокну 1974 года, обеспечившее десятилетия протекционистской защиты для развитых стран. Более того, стремлению «развивающихся» стран внедрять многосторонний подход препятствовал механизм голосования, принятый в МВФ и Всемирном банке, где голоса распределялись пропорционально экономическому весу стран, фактически закрепляя за США право вето.

По мнению британского экономиста Джона Тойе, возникновение ЮНКТАД связано с «двумя сейсмическими изменениями в международном соотношении сил». После смерти Сталина в 1953 году СССР отказался от политики бойкота ООН и попытался возглавить блок государств, враждебно настроенных к ГАТТ, призвав к ратификации Гаванской хартии и возрождению МТО. На Бандунгской конференции 1955 года многие «развивающиеся» страны заявили о «неприсоединении» к какой-либо из сторон в «холодной войне» и подали заявки на вступление в ООН. Благодаря деколонизации ООН расширилась с 51 государства-

основателя в 1945 году до 99 членов в 1960-м и 127 в 1970-м, «[то есть] *относительное влияние развивающихся стран выросло*» (“UNCTAD at 50: A Short History”, 2014).

Протекционистский инкубатор

ЮНКТАД также является плодом экономической мысли и дипломатической инициативы аргентинского государственного деятеля Рауля Пребиша (1901–1986). Основав Центральный банк Аргентины в 1935 году и возглавляя его до 1943 года, Пребиш сформировал своё видение во время кризиса 1930-х годов, наблюдая за катастрофическими последствиями протекционистского закрытия экономики США. Возглавляя с 1950 по 1963 годы экономическую комиссию ООН по Латинской Америке, он утверждал, что классическая рикарданская теория сравнительных преимуществ справедлива только для структурно схожих стран. Свободная торговля не могла быть эффективной между промышленно развитыми державами и формирующимся молодым капитализмом. Отстающим экономикам требовалось время для развития производственного сектора, дифференциации производства и преодоления зависимости от экспорта сельскохозяйственной продукции и сырья. Поэтому “развивающиеся” страны нуждались в защитных тарифах для внутреннего рынка, субсидиях промышленному производству, преференциальных условиях для экспорта на “развитые” рынки. Эти идеи перекликались с позициями Александра Гамильтона (1755–1804), одного из отцов-основателей США и первого министра финансов, а позднее – немецкого экономиста Фридриха Листа (1789–1846), когда их страны нуждались в собственном “инкубаторе” для их новорождённых отраслей. С точки зрения нашего анализа, это «*протекционистская и этатистская закономерность капиталистического восхождения*» (La Barbera G., “Crisi di internazionalizzazione”, 2000).

Косвенные эффекты

По поручению ООН Пребиш успешно организовал в Женеве в 1964 году первую конференцию ЮНКТАД, которая стала крупнейшей международной экономической конференцией, когда-либо проводившейся до того времени. Став первым генеральным секретарём новой организации, он предложил повестку дня с тремя основными целями, направленными на сокращение дефицита платёжного баланса “развивающихся” стран: международные соглашения о ценах на сырьё, новые формы финансирования, дополняющие меры МВФ, а также временные преференции для промышленного экспорта из отсталых стран в развитые.

Если сравнивать эти амбициозные цели с достигнутыми результатами, исторический итог можно было бы считать скромным. Однако, как отмечает большинство исследователей, в том числе Джон Тойе, ЮНКТАД одним своим существованием оказала «*эффект катализатора*», подтолкнув МВФ и другие международные организации к реформам. В частности, ГАТТ отступила от своего основополагающего принципа «*недискриминации*» и предоставила “развивающимся” странам «*особый и дифференцированный режим*», официально оформленный в конце Токийского раунда переговоров 1979 года в рамках Всеобщей системы преференций (GSP).

Наша газета, почти ровесница ЮНКТАД, на протяжении десятилетий следила за эволюцией этих международных институтов буржуазии и связанных с ними идеологий и изучала их. В 1960-х и 1970-х годах научная ясность марксизма и ленинский пример анализа капиталистического развития в отсталых регионах, обновлённый Арриго Черветто в “Тезисах 1957 года”, позволили нам избежать заражения тьермондизмом с его романтическим видением, столь модным в те годы.

Экспорт капитала

Комментируя международные дебаты о финансировании отсталых стран, Черветто в 1968 году уточнял, что «*речь идёт не о “помощи” или “вкладах”, а просто об экспорте капиталов, регулируемом процентными ставками*», что является «*фундаментальным признаком империализма*»¹. Черветто отмечал, что вокруг этого явления возникла специфическая идеология, «*основанная на лицемерии “помощи” со стороны “богатых стран” “бедным”, питаемая, помимо всякого рода священников и торговцев, “демократических” и “социалистических” (т. е. посредниками экспорта), мириадами “теоретиков*

слаборазвитости”, которые на различных основаниях желают рекламировать, совершенствовать, вести переговоры о советской и западной “помощи”. [...] Теоретики “слаборазвитости” из различных течений, как правых, так и левых, представляют капиталистическую эволюцию некоторых регионов как процесс сохранения слаборазвитости. В действительности, слово “слаборазвитость” уже отражает идеологию, которая имеет представление о развитии капиталистических производственных отношений как о линейном и равновесном процессе. Это полная мистификация действительного процесса капиталистической эволюции, которая сама по себе не “сверхразвитие” и не “слаборазвитость”, а неравномерное развитие, которое не является ни равновесным, ни пропорциональным».

Вывод Черветто носил полностью политический характер: *«Непонимание объективности этого процесса неизбежно приводит к превращению в социал-империалистов типа Каутского, т. е. к пониманию империализма как политики, которой можно воспрепятствовать»².*

Наш Интернационал

ЮНКТАД родилась в том числе как противовес ОЭСР – организации западных держав, созданной в 1961 году. Тем временем исторически ведущие “развивающиеся” страны, такие как Мексика, Чили и Южная Корея, присоединились к ОЭСР, а другие, как Бразилия, Аргентина Пребиша и, наконец, сама Индонезия, которая принимала “неприсоединившихся” в Бандунге, находятся в процессе присоединения.

Неравномерность развития превратилась из причины отставания “развивающихся” стран в движущую силу, с помощью которой они потенциально могут обогнать старые державы. И действительно, сегодня идея временно защитить “молодые” отрасли возвращается на свою историческую родину: к этим аргументам прибегают США и ЕС, столкнувшиеся с промышленным вызовом со стороны Китая в новых передовых секторах, таких как производство чипов и электромобилей.

ОЭСР и ЮНКТАД давно утратили свои изначальные роли, сформированные в 1960-е годы в мире, которого больше не существует. Обе организации пытаются развиваться, чтобы выжить. ЮНКТАД уступила все переговорные амбиции ВТО, но остаётся важным центром статистической обработки данных и по-прежнему заявляет о своей особой миссии. В июне, отмечая в Женеве 60-летие ЮНКТАД, её генеральный секретарь Ребека Гринспан вспомнила о *«дальновидном архитекторе»* Пребише и о необходимости *«нового момента 1964 года»*, чтобы дать “развивающимся” странам больший голос в меняющемся мировом порядке. По мнению костариканки Гринспан, *«возник новый многополярный мир. Но многополярность без многосторонности – это путь к фрагментации, сползанию к торговым войнам и упадку глобального сотрудничества»*. Текущая идея ЮНКТАД заключается в том, что *«многополярность – это не выбор. Выбор – это многосторонность. Именно многосторонность является хрупким исключением, высшим достижением на путях развития и поисков мира, которыми идёт человечество»*.

Вот она, воскресшая каутскианская мистификация – используемая как идеологический инструмент “развивающихся” держав. Она подпитывает миф о многостороннем сотрудничестве, которое якобы может сдержать взрыв империалистического раздора. Мы, коммунисты, твёрдо придерживаемся опыта большевиков и перспективы создания единственно возможной действительно международной организации – Интернационала, который объединит пролетариев всего мира.

Июль – август 2024 г.

¹ - Черветто А. Унитарный империализм. В 2-х т. Т. 2. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 313.

² - Там же. С. 322-323.